

А. Б. Ковельман

АРЕНДА В ЮЖНОМ ФАЮМЕ В СЕРЕДИНЕ I в. н. э.

(По мичи ганским регистрам)

С О ВРЕМЕНИ опубликования монографии С. Вашиньского¹ частная аренда в римском Египте неоднократно становилась предметом систематического исследования². Были установлены и классифицированы многие формы аренды, особенно хорошо разработана юридическая сторона вопроса. Исследование же социальной природы частной аренды в значительной степени сдерживается несовершенством источников. В качестве таковых обычно используются арендные договоры. Договоры эти написаны по определенным стандартам, скрывающим реальное содержание контрактов. Они разрознены: как правило, нельзя выяснить, какие отношения связывают данных лиц, кроме этой аренды, какие еще контракты заключены между ними, что представляют собой арендатор и арендодатель вне данного контракта. Из отдельных договоров неясен удельный вес аренды и того или иного вида ее в определенном месте в определенное время.

Указанные недостатки можно преодолеть, пользуясь различного типа регистрами, позволяющими применять комплексный подход. Для римского времени великолепный источник — регистры Тебтюнисского графейона. В них содержится не ряд разрозненных фрагментов, а вся картина частной аренды на определенной территории и в определенный отрезок времени. Более того, регистры отражают вообще всю деловую жизнь Тебтюниса и его округа и позволяют рассматривать аренду в контексте этой деловой жизни. В данной работе мы предполагаем ограничиться рассмотрением частной аренды, не затрагивая аренду земель у государства. Под частной арендой понимается также субаренда государственных земель у *δημόσιοι γεωργοί*. Подобное ограничение объясняется характером источника.

Графейон в римском Египте действовал в двух функциях. С одной стороны, это была писцовая контора, где профессиональные писцы за плату составляли различные документы, а с другой — государственный архив. Сумма заключенных контрактов в виде *τόμος συλλήσιμος* пересылалась в столицу нома в *βιβλιοθήκη ἐγκτήσεων*, но в графейоне оставались регистры

¹ S. Waszynki, Die Bodenpacht. Agrargeschichtliche Papyrusstudien, Bd I, Lpz — B., 1905.

² См., например, M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Lpz — B., 1910; J. Herrmann, Studien zur Bodenpacht im Recht der graeco-ägyptischen Papyri, München, 1958; D. Hennig, Untersuchungen zur Bodenpacht im ptolemäisch-römischen Ägypten, München, 1967.

(ἀναγραφαί) и резюме контрактов (εἰρόμενα). В случае возникновения недо-разумений, например тяжбы между сторонами того или иного договора, этот договор можно было найти в βιβλιοθήκη ἐγκτήσεων по сохранившимся регистрам³.

Регистр представлял собой перечень заключенных договоров, каждая строка соответствовала одному контракту. Состояла она из четырех частей: обозначения типа контракта, имен контрагентов, указания на предмет сделки и суммы, указанной в контракте. Последние два пункта часто опускались. Иногда указывался также *грамматикон* — плата за составление контракта. В качестве примера можно привести следующую запись: δάειον Διδύμου πρὸς Ἀρτεμίδωρον καὶ ἄλλους ἀργυρίου δραχμῶν ἕτη δαχα в долг Дидимом Артемидору и другим 68 серебряных драхм.

Установить территориальный охват регистров довольно сложно. Прежде всего это Тебтюнис и Керкесуха Орус, по имени которых назывались графейон. Тебтюнис являлся центром второй топархии⁴. Сам графейон был, по-видимому, необходимой принадлежностью центра топархии⁵. Графейон Талей и Теогониды был филиалом тебтюнискского⁶. Е. М. Хассельман доказывает, что составление резюме, регистров и других официальных документов входило в обязанности номографа, каковой был лишь в Тебтюнисе, тогда как графейоном в Талей управлял ὁ πρὸς τὸ γραφεῖον⁷. Следовательно, можно предполагать, что в регистрах отражены контракты, заключенные в обоих графейонах, и территориальный охват их равен двум топархиям. И действительно, в регистрах отмечены официальные акты, исходящие из семи деревень: Тебтюниса⁸, Керкесухи Орус⁹, Ибион Ейкосипентаруона¹⁰, Керкесиса¹¹, Талей¹², Керкесириса¹³, Теогониды. Из них два входят в топархию Талей (Талей, Ибион Ейкосипентаруон)¹⁴. Однако, учитывая, что по резюме арендных договоров 70% всех сдаваемых в аренду земель приходится на Тебтюнис, можно усомниться в столь широком территориальном охвате регистров.

Не менее значительна хронологическая протяженность регистров. Mich. 121 V. охватывает четыре месяца второго года Клавдия (42 г. н. э.), Mich. 123 R. II—XXII — весь шестой год правления этого императора (45—46 гг. н. э.), Mich. 238 — первые четыре месяца седьмого года (46 г. н. э.), Mich. 124—128 и 239—240 представляют собой подготовительные наброски к регистрам¹⁵. Кроме записей в регистрах в нашем распоряже-

³ E. M. Husse l m a n, Procedures of the record office of Tebtunis in the first century A. D. «Proceedings of the twelfth international congress of papyrology», Toronto, 1970, стр. 226.

⁴ Топарх Тебтюниса Акусилай упоминается в Теб. 289 (23 г. н. э.) и 410 (16 г. н. э.). Топарх Птоллас фигурирует в регистрах (Mich. 123 R. XXII, 41). О принадлежности ко второй топархии свидетельствуют P. Mil. vgl. 172, 4—5 (128 г. н. э.), Teb. 368 (265 г. н. э.) и Теб. 581 (268 г. н. э.). См. также замечания издателей в Teb. vol. II, стр. 404.

⁵ M. Chr. 182 (208 г. н. э.) συσταθεῖς πρὸς τῷ γραφεῖν λίβρις τοπαρχίας Ὁξυριχαι- του.

⁶ E Nestola, Talei — Talae. Ricerche su due localita dell' Egitto Greco, Romano e Bizantino, «Aegyptus», 1970, fasc. I—IV, Raccolta di scritti in onore di Aristide Calderini, № 4, стр. 171—174; Husse l m a n, ук. соч., стр. 224.

⁷ Husse l m a n, ук. соч., стр. 224—225.

⁸ Mich. 121 R. V, XII; 123 R. III, 7; VII, 35.

⁹ Mich. 121 R. IV, VI, 1; 123 R. VII, 42; XX, 18.

¹⁰ Mich. 123 R. XXII, 27.

¹¹ Mich. 123 R. VII, 34, 126, 6.

¹² Mich. 123 R. XXI, 40.

¹³ Mich. 123 R. VIII, 35.

¹⁴ Nestola, ук. соч., стр. 169.

¹⁵ Хассельман предполагает (ук. соч., стр. 237 сл.), что большое количество таких набросков для шестого года Клавдия объясняется появлением в графейоне Евтихида, которого номограф Кронион готовил себе в преемники.

ний резюме арендных договоров и ряд сохранившихся арендных контрактов, опубликованных главным образом в Mich. т. II и V.

Именно эти контракты и стали объектом довольно пристального внимания историков. Что же касается регистров, то они изучались лишь в самой общей форме — с точки зрения типологии отмеченных в них контрактов; наиболее подробное исследование такого рода — краткая рецензия А. Джонсона на Mich. т. II¹⁶. Регистры практически не подвергались еще сплошному просопографическому исследованию. Между тем было бы крайне заманчиво рассмотреть каждую запись об аренде как самостоятельный договор: выяснить характер отношений контрагентов, их общее положение, участие их в других контрактах. Сделать это, однако, довольно сложно ввиду чрезвычайной краткости записей в регистрах. Нам неизвестны, как правило, даже патронимиконы сторон, что весьма осложняет их отождествление в различных записях.

Изучение столь оригинального источника требует применения особых методов. Одним из них может стать использование социального значения имен. Уже со II в. до н. э. имя не служит критерием этнической принадлежности в Египте, становясь критерием социального положения своего обладателя. Разбогатевшие египтяне, особенно те, кто выбыл в клерухи, принимают греческие имена¹⁷. Как и всюду на эллинистическом Востоке, туземец — это варвар, человек из низших слоев, эллин же — представитель господствующего класса. Римская эпоха в значительной части сохранила то же положение. Известно прошение Еудаймона о перемене имен его отца и матери с египетских на греческие (W. Chr. 52, 194, г. н.э.).

Администрация в Тебтунисе носит греческие имена. Известны комограмматевсы Дидим (Mich. 267—268; Teb. II, 346, 4; 41—42 г.), Люсас или Лисимах (Mich. 123 R. XX, 27; XXI, 30; 128 II, 23; 240, 17; Teb. II, 410, 7—8, 16 г. 346, 2, 45—47 гг.), Арей, сын Лисимаха (Teb. 229, 50 г.), Мелан (Teb. 300, 151 г.), и лишь в 190 г. встречается египетское имя Гор (Teb. 301). Греческие имена у топархов и у номографов Тебтунисского графейона¹⁸. Напротив, старосты государственных землевладельцев носят египетские имена (Mich. 124 R. IV, XII; 313, 344), а их грамматевсы в одном случае (Mich. 344) — греческое.

Регистры позволяют переложить общие рассуждения о том, что греческие имена принадлежали главным образом состоятельным людям, на язык цифр. Какова вероятность того, что экономически господствующая сторона контракта носит греческое имя, а слабейшая сторона — египетское? Чтобы выяснить это, необходимо рассмотреть контракты, где роли сторон ясны¹⁹. Таковы договоры о займах²⁰ и *парамонэ*. В Mich. 124 V. в долговых контрактах типа *δάσεων* и *παράδίκη* среди кредиторов — 35 носителей греческих имен, а среди должников — 14. В Mich. 123 R. II — XXII соотношение 58 к 25, в Mich. 238 — 47 к 15. Соответственно число кредиторов превышает число должников с греческими именами в 2,5; 2,32 и 3,1 ра-

¹⁶ A. Ch. Johnson, The American Historical Review, vol. 40, №. 3, 1935, стр. 480—483.

¹⁷ V. Martin, L'onomastique come indice des rapports entre indigènes et occupants dans l'Égypte greco-romaine, «Actes des VIII Internationalen Kongress für Papyrologie», Wien, 1956, стр. 85—90.

¹⁸ Апион (Mich. 233; 345); Кронион и Евтох (Mich. vol. II и V passim).

¹⁹ Рассматриваются лишь записи, где указаны имена обоих контрагентов.

²⁰ Не исключено, конечно, что займы делают не по причине стесненных обстоятельств. Так, Аполлоний занимает у Сотериха 156 драхм (Mich. 123 R. XV, 15) и немедленно вслед за этим покупает за 152 драхмы часть дома и двора (Mich. 123 R. XV, 16—17). Пнесис с женой занимает у Орсеуса 96 драхм и снимает у Хеоса и Таоннофриса за 46 драхм квартиру (Mich. 123 R. XI, 22—23).

Таблица 1

Число греческих и римских имен у арендаторов и арендодателей

Сельскохозяйственные культуры, способ использования земель	Mich. 121 V.		Mich. 123 R.		Mich. 238	
	арендодатель	арендатор	арендодатель	арендатор	арендодатель	арендатор
Всего	16	23	50	61	23	24
Без обозначения	15	17	28	23	14	16
Ячмень	—	—	—	1	—	—
Пастбище	1	4	3	2	1	—
Кормовые культуры	—	—	9	16	—	—
Трава	—	1	2	14	1	4
Виноградник	—	—	3	2	2	2
Сад (παράδεισος)	—	1	1	3	1	1
» (κῆποι)	—	—	2	—	2	—
Новые посадки	—	—	1	—	—	—
Место для застройки	—	—	1	—	—	—
Продажа урожая	—	—	—	—	2	1

за. Наличие должников с греческими именами не означает, что «греки» делают займы у «египтян»; как правило, их кредиторы тоже греки.

В Mich. 121 V. в 23 случаях «египтянин» занимает у «грека», в 11 случаях — «грек» у «грека», в шести случаях — «египтянин» у «египтянина» и лишь в трех случаях — «грек» у «египтянина». Иными словами, при столкновении греческого и египетского имен «сверху» почти всегда греческое. Наконец, среди парамонариев по Mich. т. II и V вдвое меньше носителей греческих имен, чем среди кредиторов²¹.

Из изложенного выше можно вывести ряд общих наблюдений. В любом типе контрактов та сторона явится экономически господствующей, которая будет насчитывать больше греческих имен. Если отношение числа греческих имен у одной стороны к числу греческих имен у другой стороны (назовем его условно «коэффициент») равно 2—3, то данная сторона господствует почти во всех контрактах²². Если же оно меньше указанной цифры, то имеет место и обратное соотношение сил.

Попробуем выделить число греческих имен у арендаторов и арендодателей (табл. 1). Результаты получаются довольно неожиданные. В Mich. 121 V. у арендаторов в 1,4 раза больше греческих имен, чем у арендодателей, в Mich. 123 R. — в 1,2 раза и лишь в Mich. 238 разница только в одном имени. Основываясь на просопографическом материале, можно сказать, что арендаторы в большинстве случаев занимали более высокое социальное положение, были более состоятельными, чем арендодатели (в большинстве, но не всегда, поскольку коэффициент везде меньше 2). Следовательно, наиболее распространенным типом аренды в районе Тебтуниса середины I в. н. э. была аренда с богатым арендатором и бедным арендодателем. аренда «от бедного к богатому». Конечно, существование такой аренды не отвергалось исследователями, но все же в качестве обычного типа аренды рассматривалась, как правило, аренда «от богатого к бедному», с богатым арендодателем и бедным арендатором-георгосом. Такая аренда наиболее изучена по архиву Менхеса — классическому источнику по истории арендных отношений. В мичиганских же папирусах эта аренда занимает лишь меньшинство контрактов.

²¹ Римские имена, встречающиеся крайне редко, по вполне понятным соображениям, в социальном плане приравниваются к греческим.

²² В долговых контрактах коэффициент равен 2,5; 2,32 и 3,1.

Сущность данного явления становится более ясной при рассмотрении просопографического материала по сельскохозяйственным культурам. Наибольшая разница между числом греческих имен у арендаторов и арендодателей наблюдается при аренде пастбищ. В Mich. 121 V. у арендаторов в 5 раз больше греческих имен, в Mich. 123 R. в 2 раза, в Mich. 238 в 2 раза. Особенно велик коэффициент для $\chi\acute{o}\rho\tau\omicron\varsigma$ — пастбищ, засеянных травой, т. е. наименее ценной кормовой культурой. По Mich. 123 R. коэффициент для $\chi\acute{o}\rho\tau\omicron\varsigma$ равен 7, а для остальных кормовых культур — менее 2. Заметим, что посев $\chi\acute{o}\rho\tau\omicron\varsigma$ в египетских условиях был невыгоден и распространение его обычно связано с экономическим упадком²³. Такой упадок в связи с наводнениями и имел место в царствование Клавдия. В Египте и во всей Римской империи разразился голод. По мнению Джонсона, именно неурожай стал причиной многочисленности арендных договоров на сдачу пастбищ в мичиганских регистрах²⁴. Действительно, в Mich. 123 R. 59 договоров из 142 посвящены пастбищам и это при том, что далеко не всегда, вероятно, тип аренды обозначен.

Наименьшую разницу в числе греческих имен у арендаторов и арендодателей можно отметить для аренд, где выращиваемая культура не указана. Можно предположить, что это по преимуществу аренды зерновых, поскольку зерновые в отличие от других культур не указываются в записях о договорах об аренде в регистрах²⁵. Здесь коэффициент в Mich. 121 V. равен 1,1; в Mich. 238 — 1,1, а в Mich. 123 R. он даже отрицательный: число греческих имен у арендодателей больше, чем у арендаторов. Следовательно, при аренде под зерновые культуры отношение «богатый арендодатель — бедный арендатор» встречалось столь же часто, как и отношение «бедный арендодатель — богатый арендатор». И это уже нельзя объяснить лишь голодом и неурожаем.

Вообще неурожай в Египте был явлением отнюдь нередким. Последствия же их определялись уже сложившимися социальными отношениями. Судя по просопографическому материалу, именно бедные слои деревни сдавали земли под пастбища, хотя, казалось бы, наводнение или низкий уровень воды должны ударить по всем земледельцам, чьи участки расположены ниже или выше среднего уровня. Более того, богатая часть деревни получала выгоду от неурожая, арендуя землю у разоряющихся земледельцев.

Неточным представляется утверждение Джонсона о том, что пет свидетельств специальной заинтересованности Тебтюниса в животноводстве, из чего он делает вывод, что при столь высокой цене на пшеницу можно было бы ожидать отдачи всей земли под зерновые²⁶. О разведении овец в Тебтюнисе на государственных землях известно еще в птоломеевское время (Гев. I. 64 (b) 14—18). В середине I в. н. э. здесь действовала корпорация пробатоктенетрофов. Она находилась под покровительством императора Клавдия и принадлежала к его *усии*. Члены корпорации были *аполюсимой*, т. е. освобожденными от определенных повинностей, что говорит о значении, которое придавалось римскими властями ее деятельности (Mich. 121 R. IV, XII, 2; 123 R. III, 40; V, 13; VIII, 26; 244). $\Delta\eta\mu\acute{o}\sigma\iota\omicron\iota\ \chi\tau\eta\tau\omicron\tau\acute{\rho}\epsilon\phi\omicron\iota$ Тебтюниса упоминаются и в более позднее время (SB 7512, 155 г. н. э.). От царствования Тиберия сохранился устав тебтюнисской ассоциации, характер которой неясен. Ее члены в случае покупки

²³ D. J. Crawford, Kerkeosiris. An Egyptian village in the Ptolemaic period, Camb., 1971, стр. 118.

²⁴ Johnson, ук. соч., стр. 482.

²⁵ Единственное исключение — одна запись об аренде для посева ячменя (Mich. 123 R. X, 27).

²⁶ Johnson, ук. соч., стр. 481 сл.

земли обязаны были внести в фонд ассоциации 4 драхмы, при покупке стада овец — тоже 4 драхмы, а стада крупного рогатого скота (κτῆνη) 1 драхму (Mich. 243, 5). Овцы ценились здесь, судя по этой таксе, не ниже, чем земля, и выше, чем рабочий скот; вкладывать в них деньги было не менее прибыльно, чем в земледелие. Следовательно, никак нельзя ожидать непрременной отдачи в Тебтюнисе всей возможной земли под зерновые.

Наконец, по резюме контрактов и по сохранившимся от середины I в. н. э. тебтюнисским арендным договорам видно, что из 11 аренд под кормовые культуры в 7 указывается: на корм овцам²⁷, в одном — на корм овцам или крупному скоту (Mich. 123 R. III, VIII), в одном — на корм свиньям (Mich. 313). С этим необходимо связать репутацию Фаума как одного из центров египетского ткачества, особенно шерстоделия²⁸. В результате создается картина не столько упадка сельского хозяйства, сколько его переориентации на интенсивное животноводство, в основном овцеводство²⁹. Заметим также, что свидетельство Mich. 243 дошло не от голодных лет царствования Клавдия, а от спокойного правления Тиберия. Видимо, разведение овец, поощряемое к тому же государством, было не менее, а возможно, и более выгодным занятием для верхушки деревни, чем выращивание зерновых. Пользуясь разорением низших слоев, усиливавшимся в годы неурожая, эти люди арендовали у них землю и выпускали на нее овец. Это не значит, однако, что аренда от бедного к богатому существовала только на пастбищах. Как видно из табл. 1, она занимала половину арендных договоров и при посеве зерновых. Просопографический материал также показывает, что к 46 г. н. э. неурожайный период пошел на убыль. Наибольшее распространение греческих имен среди арендаторов наблюдается в 42 г. (Mich. 121 V.), наименьшее — в 46 г. (Mich. 238). Mich. 123 R. занимает, как и следовало ожидать, среднее место (45/46 г.). Но и в 46 г. н. э. аренды от бедного к богатому составляют большинство.

Следующий важный вопрос: каков был правовой статус сдававшихся земель и как он соотносился с типом аренды? Обратимся к контрактам и резюме. На государственных землях шесть арендных договоров говорят о пастбищах³⁰, один — об ячмене (Mich. 121 R. II, VI) и один — о пшенице (Mich. 121 R. I, V). Частные земли в пяти случаях сдаются под зерновые³¹, в четырех — под пастбище³², причем три аренды под пшеницу приходится на клеры катойков³³. Таким образом, сдачу земель под пастбища осуществляли прежде всего δημόσιοι γαιοῦχοι. Именно для них аренда была, вероятно, следствием разорения. Клерухи же сдавали хорошие, пригодные для выращивания зерновых земли. Им требовалась прежде всего рабочая сила арендаторов.

Просопографический материал контрактов и резюме подтверждает это предположение. Среди арендодателей государственных земель преобладают лица с египетскими именами (13 из 16), а среди арендодателей част-

²⁷ Mich. inv. 724—728; P. Yale 67; Mich. 121 R. II, V; R. III, X; R. III, XI; R. III, XIV; R. IV, V.

²⁸ М Х в о с т о в, Текстильная промышленность в греко-римском Египте, Казань, 1914, стр. 75, 145—146. Автор особенно отмечает развитие шерстоделия в Тебтюнисе. См. также E. W i p s z i c k a, L'Industrie textile dans l'Egypte Romaine, Wroslaw, 1965, стр. 156.

²⁹ Отдельные семьи традиционно занимались в Тебтюнисе массовым разведением скота. Так, в Mich. 313 (37 г. н. э.) старейшины Тебтюниса сдают Болото Бога Гераклиду, сыну Дидима, а в недавно изданном P. Mil. vorgl. 165 (132—133 г. н.э.) старейшины той же деревни сдают то же Болото Дидиму. Издатель справедливо замечает (стр. 197), что Дидим, судя по имени, принадлежит к той же семье.

³⁰ Mich. 311, 313; 121 R. II, V; R. III, VIII; R. III, X; R. IV, V.

³¹ Mich. inv. 735; 724—728. Mich. 121 R. II, I; 121 R. IV, II; Mich. 310.

³² Mich. 121 R. III, X; R. III, XI; R. III, XIV; R. IV, V.

³³ Mich. inv. 735; Mich. 121 R. II, I; R. IV, II.

ной земли — лица с греческими именами (7 из 11). В договорах о продаже и закладке клеров (*παράφρησις* и *μεσιτεία*) лица, продающие или закладывающие клер, носят греческие имена в 20 случаях из 23. Следовательно, греческие имена арендодателей и аренду от богатого к бедному нужно связывать с клерухами, а египетские имена арендодателей и аренду от бедного к богатому — с *δημόσιοι γεωργοί*. Это свидетельствует о том, что классический тип аренды, известный нам, например, по архиву Менхеса (Тев. т. I), не исчез — ведь там он также был связан с клерами. Наиболее же распространенный в Тебтюнисе тип аренды, а точнее субаренды процветал на государственных землях и был связан с разорением государственных земледельцев и развитием животноводства.

Распространенность аренды от бедного к богатому именно на государственных землях подтверждается и почти полным отсутствием договоров о купле-продаже земли: переход земли от бедных к богатым осуществляется в массовых размерах, но лишь в виде аренды. Продаются и отдаются в залог главным образом клеры, но этот процесс никак не может быть связан с арендой и с данными табл. 1, в которой отражен переход земли от лиц с египетскими именами к лицам с греческими именами. С продажей все обстоит противоположным образом, поскольку клеры в 15 случаях переходят от лица с греческим именем к лицу с греческим именем, в пяти случаях — от «грека» к «египтянину» и лишь в трех случаях — от «египтянина» к «греку». Первоначальный владелец почти всегда носит греческое имя, покупатель же может быть разбогатевшим, но еще не сменившим имя египтянином. Сельскохозяйственные угодья, не обозначенные как клеры, продаются лишь в четырех случаях (Mich. 121 V. и 123 R. один виноградник и три пастбища). Таким образом, просопографический материал не дает возможности связать аренду с продажей земли, хотя, казалось бы, продажа — логический вывод из стремления избавиться от земли. Объяснить это можно лишь тем, что аренда от бедного к богатому существовала именно на государственных землях. *Δημόσιοι γεωργοί* не были собственниками этих земель и не могли их продать. Отказаться же от аренды этих земель у государства нельзя было до ближайшего *διαμίσθωσις*, проходившего через большие промежутки времени³⁴.

Следует обратить внимание также на следующий факт. В контрактах и резюме государственные земли сдаются их владельцами на один год, кроме земель, сдаваемых на два года старостами *δημόσιοι γεωργοί* (Mich. 313). Клеры же и прочая частная земля сдаются в пяти случаях на пять-четыре года и лишь в двух случаях на один год, причем только в этих двух случаях под пастбища. Таким образом, вне зависимости от правового статуса земель пастбища почти всегда сдаются на один год. Не является ли этот год промежутком между двумя годами посева зерновых при обычном севообороте? Впрочем, если в отдельных случаях это было и так, социальный характер аренды от этого не менялся.

С неурожаем и разорением земледельцев связано, вероятно, широкое распространение аренды, при которой выплата арендной платы производилась предварительно (*ἐκ προδόματος*). Таких арендных договоров 12 из 24. Связывать их только с неурожаем было бы, однако, несколько неосторожно. Этот тип аренды встречается почти исключительно в I в. — первой половине II в. н. э.³⁵, т. е. в хронологических рамках, гораздо более широких, чем царствование Клавдия, но все же чем-то ограниченных. Из контрактов и резюме видно, что *ἐκ προδόματος* сдаются главным образом государственные земли, в частности все *δημόσια ἐδάφη*. Между тем

³⁴ Hennig, ук. соч., стр. 109.

³⁵ Hennig, ук. соч., стр. 36.

именно в I—II вв. н. э. после конфискации *усий* императорское землевладение было довольно широко распространено. Потеря земли могла производиться в этот период прежде всего именно в виде аренды и особенно в виде *μίσθωσις προδοματικῆ*.

Вокруг данного типа аренды существует дискуссия: ряд ученых полагает, что предварительная выплата арендной платы в действительности не производилась, что *μίσθωσις προδοματικῆ* — это лишь форма погашения задолженности арендодателя арендатору³⁶. Если долг погашается сразу после составления арендного договора, то это *datio in solutum*, если по истечении договора, перед выплатой арендной платы, то это антихреза. При антихрезе, если долг не уплачен до выплаты арендной платы, арендатор-кредитор имеет право возместить его себе из экфория. По мнению же других исследователей, предварительная выплата экфория — не фикция, а факт, вызванный затруднительным положением арендодателя³⁷. Спор этот в значительной степени представляется формальным, поскольку социальный смысл антихрезы и *datio in solutum*, с одной стороны, и *μίσθωσις προδοματικῆ* с другой — почти тождествен. Во всех этих случаях арендодатель — не богатый крестьянин, нанимающий арендатора для обработки своих полей, а человек, находящийся в тяжелом экономическом положении.

Mich. т. II и V не содержат прямых указаний на антихретическую аренду, однако случаи этой аренды можно выявить в регистрах путем отождествления пар контрагентов в различных записях (табл. 2). Не все отождествления представляются абсолютно достоверными, но за те случаи, где арендный договор и долговое соглашение отмечены в смежных или почти смежных строках регистра, можно ручаться (табл. 2, сткк. 1, 3, 4, 5, 11). Об убедительности данных таблицы говорит и тот факт, что обратных случаев, когда арендатора можно отождествить с должником, а арендодателя с кредитором, найдено гораздо меньше (см. табл. 3). Характерна также приверженность определенных лиц к данному типу контракта: в качестве арендатора-кредитора по три раза выступают Марон и Аполлоний и два раза — Кронион.

В сткк. 1, 3, 4, 5, 11 табл. 2 мы имеем дело практически не с двумя, а с одним контрактом. Аренда и долг возникают здесь одновременно. Следовательно, для кредитора главное не долг, а аренда. В противном случае аренда была бы возмещением давно полученного и неуплаченного долга. Необходимо обратить внимание на сумму экфория. В стк. 8 его величина приблизительно равна величине долга (из расчета 8 драхм за 1 *артабу* зерна пшеницы³⁸).

Оформлялось же все это, вероятно, в виде антихретической аренды. Случай окончания антихрезы зафиксирован, кажется, в Mich. 123 R. XVIII, 36—37. В Mich. 123 R. VI. 12 Герод сдает Гариоту 7 *арур*. В Mich. 123 R. XVIII, 37 Гариот платит Героду арендную плату, но строкой раньше отмечена выплата Геродом-арендодателем 128 драхм Гариоту. Не есть ли это погашение долга (антихрезы) перед выплатой экфория?

³⁶ Неггманн, ук. соч., стр. 231 сл.; V. G e g i n a t, *Prodoma in den Papyri aus dem ptolemäischen und römischen Agypten*, Köln, 1964, стр. 67 сл., 97.

³⁷ Непниг, ук. соч., стр. 36 сл.

³⁸ Цены на пшеницу: Mich. 123 V. XI — 16 драхм — $1 \frac{5}{6}$ *артабы*; Mich. 127 — 8 драхм — $1 \frac{5}{6}$ *артабы*; 20 драхм — $3 \frac{1}{2}$ *артабы*; 8 драхм — 1 *артаба*; 8 драхм — $1 \frac{1}{10}$ *артабы*; 16 драхм — $2 \frac{1}{10}$ *артабы*; 12 драхм — $1 \frac{1}{2}$ *артабы*. См. также A. Ch. J o h n s o n, *Roman Egypt to the reign of Diocletian*, Baltimore, 1936, стр. 310—312.

Таблица 2

Арендодатель-должник	Арендатор-кредитор	Аренда		Кредит		Арендная плата
		ссылка на Mich.	площадь, аруры	ссылка на Mich.	сумма	
1. Псуфий и др.	Галат	121 V.I, 11 121 V.V, 4	11	121 V.V, 3 123 R.XXI, 51	240 драхм	
2. Марепсемис и др. ¹	Евтюх	121 V.IV, 9	6	121 V.V, I	56 драхм	
3. Марепсемис и др. ¹	Марсисух	121 V.V, 2 121 V.IX, 9	12	121 V.IX, 10	105 артаб ячменя ²	
4. Пасис	Кроннион Сотас	121 V.VI, 11	4	121 V.VI, 14	124 драхмы	
5. Петесюс		121 V.VII, 13	2 ¹ / ₄	121 V.VII, 14	40 драхм и 5 артаб пшеницы	
6. Геронат и др.	Марон	123 R.II, 28		123 R.V, 37	50 артаб пшеницы и 100 артаб ячменя ²	
7. Орсеус и жена ³	Марон ⁵	123 R.VII, 29 123 R.IV, 38	1,5 2,5	128,1 (в) 8 123 R.V, 12	46 драхм	
8. Орсеус	Аполлоний Диоскурида ⁴	123 R.IV, 26			100 драхм и 5 артаб пшеницы	148 драх
9. Апюнхис и др. ¹	Марон	123 R.IX, 39	2 ¹ / ₄	123 R.XVI, 20—21	500 драхм	
10. Орсеус	Аполлоний	123 R.XV, 29	2	123 R.XIX, 15	80 драхм и 4 артабы зерна	
11. Кроннион	Паллаус	123 R.XXI, 38	3	123 R.XXI, 43	×	
12. Паас	Петеус	123 R.XXII, 47	1 ¹ / ₄	123 R.III, 21	148 драхм	
13. Орсенуфис	Аполлоний	121 V.II, 11 R.II, VII	3	238, 201	100 драхм	
14. Теферсот	Оннофрис	238, 54	2	238, 82	40 драхм и 3 артабы пшеницы	
15. Геракл	Кроннион	238, 67	7 ³ / ₄	238, 78	56 драхм	
16. Марепкемис (Марепсемис) ⁶	Героднион	238, 112		238, 148	36 драхм ²	

¹ «и др.» — только относительно кредита.

² В данном месте характер гомологии не указан, но, судя по форме записи, мы имеем дело с паратекой (οἰολογία Μαραψίμιος καὶ ἄλλων πρὸς Μαρσισοῦχον καὶ τῆς ἀρτάβων ρα). Аналогичное допущение сделано в сткк. 6 и 16.

³ «И жена» — только относительно кредита.

⁴ Диоскурида — только относительно кредита.

⁵ За оба арендных договора Марон задолжал грамматикон номографу.

⁶ В договоре о кредите — Марепсемис и жена.

В ряде случаев кредитно-арендные отношения между двумя лицами повторялись. Иногда повторялась лишь аренда (табл. 2, сткк. 3, 7), иногда и аренда, и долг (сткк. 1, 8, 10). Псуфий хронически делался должником и арендодателем Галата, Орсеус — должником и арендодателем Аполлония. Между тем долговые отношения в Египте были, как известно, чрезвычайно опасностью потери имущества и личности должника³⁹. Об имуществе говорить не приходится, поскольку при данном типе аренды сдавалась, как правило, государственная земля, которую нельзя было продавать или закладывать. Остается личность арендодателя. Есть ли в регистрах указания на перерастание отношений между арендатором и арендодателем в долговую кабалу? Рассмотрим случай с Псуфием и Галатом (табл. 2, стк. 1). Галат дважды арендует землю у Псуфия и дважды открывает ему кредит. Один из партнеров Псуфия по сдаче земли Галату — Марепсемис (Mich.

³⁹ H. Lewald, Zu Personalexekution im Recht der Papyri, Lpz, 1910.

Таблица 3

Арендодатель-кредитор	Арендатор-должник	Аренда		Кредит	
		ссылка на Mich.	площадь, <i>авуры</i>	ссылка на Mich.	сумма
1. Герод	Орсеус	123 R. III, 6	8,5	123 R. XV, 28 R. XVII, 18	120 драхм 280 »
2. Патрон	Орсенуфис и др.	237, 21	13	237, 19	45 <i>артаб</i> пшеницы
3. Аполлоний	Геракл и жена	238, 230	Клер 2,5	238, 70 238, 98	212 драхм и 6,5 <i>артаб</i> пшеницы 100 драхм и 5 <i>артаб</i> пшеницы

121 R. I, 1). Псуфий вообще во всех записях выступает с партнерами. Но на следующий год после двух аренд Марепсемис и его партнеры становятся парамонариями Галата (Mich. 237, 4), т. е. начинают отрабатывать проценты долга. Если гипотетическое отождествление «Псуфия и других» с «Мерепсемисом и другими» верно, то арендодатель становится здесь парамонарием собственного арендатора. Еще более интересная ситуация складывается между Петееусом и Гераклом. 24 себаста Петееус с женой становятся парамонариями Геракла (Mich. 123 R. III, 14), а 9 неос себаста, т. е. через полтора месяца, Петееус с сыном сдают Гераклу землю в аренду (Mich. 123 R. VI, 28). Не является ли здесь аренда способом расплаты с долгом и погашения парамоня? Превращение арендодателя в парамонария и, наоборот, парамонария в арендодателя может показаться гораздо менее странным после выяснения вопроса о характере применения рабочей силы на арендованных землях, к которому мы и перейдем.

Для «классической» аренды этот вопрос решается однозначно — бедный арендатор работает на богатого арендодателя⁴⁰. Поскольку такой тип аренды сохраняется в середине I в. н. э., постольку существуют и арендаторы-работники.

Арендатор клера катойка в Mich. 121 R. IV, II — v. III. 9 получает ссуду зерном. Арендатор получает ссуды зерном также в Mich. inv. 724⁴¹. О наличии ссуд арендодателя арендатору свидетельствует таблица 3, составленная по регистрам. Ссуды в сткк. 1 и 3 выдаются дважды, что говорит о постепенном закабалении арендатора. Подобный порядок существовал не только при аренде земель. Дидим, сын Телесия, сдает амбар Петееусу, сыну Петееуса (Mich. 121 v. II, 19 и R. III. V) и вслед за тем дает ему в долг 52 драхмы (Mich. 121 V. II, 20 и R. III, IV), причем Петееус уже раньше арендовал этот амбар (Mich. 121 R. III, V, 2).

Арендаторы работали и получали ссуды, по-видимому, в основном на частной земле, в особенности на клерах (Mich. 121 R. IV, II; 238, 230; Mich. inv. 724). Подозревать их присутствие можно при арендах «от богатого к бедному». Но такого рода аренды составляют меньшинство в регистрах. В большинстве случаев бедный, разоряющийся арендодатель сдает землю богатому арендатору. Трудно предположить, что этот арендатор своими руками обрабатывает арендованный участок, хотя, конечно, и это не исключено. Кто обрабатывает землю в данном случае? Возможно,

⁴⁰ См., например, К. К. З е л ь и н, Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э., М., 1960, стр. 211—218.

⁴¹ G. M. B r o w n e, Two Land Leases from First Century Tebtunis, BASP, vol. VI, 1969. Там же см. Mich. inv. 735.

здесь работает субарендатор, которому богатый арендатор сдает в субаренду арендованную им у бедного арендодателя землю. Так, в Mich. 121 R. II, VII Аполлоний, сын Геракла, сдает Орсенуфису, сыну Орсенуфиса, 3 аруры земли. Орсенуфис, вероятно, должник арендодателя, поскольку он обозначен здесь как *πέρσης τῆς ἐπιγούης*. Арендодатель носит греческие имя и патронимикон, арендатор — египетские. Перед нами, казалось бы, обычная обработка земли с помощью арендатора. Однако сам арендодатель Аполлоний не собственник сдаваемой земли, а арендует ее у Орсенуфиса, сына Горуанхиса, отца своего арендатора! То, что Орсенуфис, сын Горуанхиса, сдает землю, не удивительно: ему должно быть не меньше 60 лет, поскольку сыну 42 года. Удивительно, что он не сдает или просто не передает землю сыну, а как бы пользуется посредником. Вероятно, сам сын не в состоянии на свои средства обрабатывать землю. В результате семья Орсенуфиса превращается в арендаторов на собственном наделе. Понятна и позиция Аполлония: лучшего работника для арендованной земли, чем сына арендодателя, он не смог бы найти.

Возможность субаренды ни в коей мере не отменяет, однако, общего положения: в большинстве аренд арендатор не является работником на арендованной земле. Допустим, что все богатые арендаторы имели бедных субарендаторов-работников. Тогда всем арендам «от бедного к богатому» соответствовало бы равное число аренд «от богатого к бедному» (т. е. от арендатора к субарендатору). Кроме того, было бы определенное число аренд «от богатого к бедному», где богатый арендодатель является не арендатором бедного земледельца, а клерухом или государственным земледельцем. Аренды «от богатого к бедному» составили бы большинство, между тем они в меньшинстве. Следовательно, около половины арендованных земель обрабатывались не арендаторами, и это, пожалуй, важнейший вывод, который можно сделать из табл. 1. В большинстве случаев аренда от «бедного к богатому» не соответствовала субаренде «от богатого к бедному».

Особенно ясно это для пастбищ. Как было замечено выше, пастбища почти всегда сдавались бедным арендодателем богатому арендатору. Следовательно, работа арендаторов здесь вообще не исключена. Кто же работал на пастбищах? Источники называют две возможности. Первая — сам бедный арендодатель пастбища. В Mich. 311 (34 г. н. э.) указывается на то, что арендодатель получил арендную плату предварительно (*ἐκ πρόδομα-τος*) за то, что (*ὅτι* *ὦν*) он будет осуществлять полив и заботиться о посевах. Арендатор со своей стороны обязуется поставить семена, посеять, вырастить и высушить траву. В P. Yale 1,67 (31 г. н. э.) арендодатель также получает *ἐκφόρι* предварительно за заботу о дамбах и поливе пастбища, предназначенного для откорма овец. Арендатор же обязан лишь поставить семена. Частичное или полное перекаладывание работы на арендодателя — нередкое явление в арендах типа *πρόδοματική* этого времени⁴². Это и не удивительно: разорившийся и сдавший землю в аренду земледелец должен был искать работу и средства к существованию. В арендную плату, вероятно, входила и плата за эту работу. Само выражение *ὅτι* *ὦν* и вообще предлог *ὅτι* употреблялся в папирусах, когда нужно отметить плату за что-либо (Mich. 123 V.). Мы еще вернемся к данному вопросу на материале аренды садов.

Заметим, однако, что в Mich. 311 на арендодателя возлагаются далеко не все работы и что в остальных арендных договорах и резюме из Тебтунисского графeyона I в. н. э. данный тип отношений не встречается. Кто же был основным работником, кто, наконец, ухаживал за скотом, что в Mich. 311 и P. Yale I, 67 вообще не оговаривается?

⁴² Henning, ук. соч., стр. 38.

Из Mich. 228 (47 г. н. э.) известно о наемном работнике, который за жалование и харчи работал на пробатоктенотрофа вместе со своей женой. Таким образом, наемники применялись в районе Тебтюниса в середине I в. н. э. для ухода за скотом в скотоводческих (особенно, вероятно, овцеводческих) хозяйствах. Сколь распространенным и повседневным было их применение? Думается, что на пастбищах они составляли один из основных компонентов рабочей силы. Насколько нам известно, на пастбищах в античности применялись в первую очередь не арендаторы, а именно наемные работники и рабы⁴³.

Об использовании рабов и парамонариев на пастбищах из мичиганских регистров ничего достоверного неизвестно. Можно напомнить приводившиеся выше случаи с Петеусом и Псуфием, которые сдачу пастбищ в аренду сочетали с *парамонэ* у своих арендаторов. Вероятно, Фасис в Mich. 123 R. III, III-V. II, 17 нанимается парамонарием для работы на пастбище, поскольку в его жалование входит шерсть, настриженная с четырех овец⁴⁴. Напомним, что расчеты натурой, продуктами, вырабатываемыми плательщиками, довольно часты в это время. Арендная плата за землю выплачивалась шерстью (Mich. 121 R. I, X, 2), за маслодельню — маслом (Mich. 123 R. XI, 11). Им же маслоделы оплачивали труд писцов (Mich. 123 R. VI, 18). Кроме данного контракта Фасис выступает наемником или парамонарием еще в двух случаях (Mich. 121 V. IV, 10; XI, 3). Работу парамонариев у овцевода можно предполагать и в случаях с Орсеесом. 2 мехира 6 года Клавдия от него уходит парамонарий Пнесис (Mich. 123 R. XI, 26), а ровно через месяц, 2 фаменота, он нанимает нового парамонария Орсенуфиса (Mich. 123 R. XII, 37), которому дает в долг ту же сумму, что и Пнесису, — 100 драхм. Но Орсес известен как пробатоктенотроф (Mich. 121 R. IV, XII, 2). Почти все упоминания этого имени в регистрах связаны с шерстью, что заставляет подозревать за ними одно и то же лицо. В Mich. 121 V. IV, 13 он получает 4 *аруры* травяного пастбища, в Mich. 123 R. III, 9 отдает кого-то в ученики к стригальщику шерсти Орсенуфису (таково же, кстати, и имя его парамонария). Если идентификация Орсееса верна, то можно сделать и предположение о применении рабского труда на пастбищах: трудно допустить, что пробатоктенотроф отдает в учение к стригальщику собственного сына.

Знаменателен сам факт, что упоминания о рабах и парамонариях в Mich. т. II и V чрезвычайно часты; регистры — прекрасный источник по рабству и парамонэ и заслуживают в этой связи отдельного исследования.

При аренде земли под зерновые труд арендаторов использовался, вероятно, довольно часто. Собственно, почти все отмеченные выше случаи такой аренды и связаны с зерновыми культурами. Характерно также, что наименьшая разница между числом греческих имен у арендодателей и арендаторов наблюдается при аренде зерновых. Но то же соотношение имен не позволяет предположить, что труд арендаторов применялся здесь во всех случаях. Известно, что на больших площадях для жатвы использовались наемники (Mich. 123 R. XIII, 26).

Особый вид аренды представляла собой, по-видимому, аренда садов. Большинство упоминаний *хтлои* в регистрах связаны каким-то образом с *опсонием* (жалованием). В свою очередь все упоминания *опсония* в регистрах связаны с *хтлои*. Однако характер этой связи представляется различным.

⁴³ Варрон знает только пастухов-рабов (II, 10). Цезарь издал закон, обязующий скотовладельцев не менее трети своих пастухов набирать из взрослых свободнорожденных людей (Suet. I, 42, 1). Ср. также Е. М. Ш т а е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 84—88.

⁴⁴ См. комментарий издателя в Mich. vol. II, стр. 47.

8 себаста 6 года Клавдия Герас снимает в аренду сад у Дидима (Mich. 123 R. VI, 27). Почти ровно через год Дидим платит Герасу *опсоний* (Mich. 240, 24-128, III, 3). За месяц до заключения арендного договора с Дидимом Герас получает *опсоний* у Петеуса (Mich. 123 R. III, 20). Перед нами, таким образом, арендатор, который получает *опсоний* от своего арендодателя через год после заключения договора и который заключает такие договоры регулярно.

Случай с Герасом и Дидимом доказывает, что возможна была выплата жалования арендатору — вещь юридически совершенно абсурдная.

Следующая интересующая нас запись также связана с Дидимом: $\delta\mu\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\alpha$ Εὔτος κηπο(υροῦ) ἀποχῆ(ς) ὀφονίω(ν) καὶ γεωργίας (Mich. 123 R. IV, 16). По-видимому, здесь садовник Еус принимает у Дидима жалование и обязуется выполнить работу. Трудно сказать, в качестве кого он будет ее выполнять: наемника или арендатора, как в случае с Герасом.

Наиболее сомнительным представляется следующее место: $\delta\mu\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\alpha$ Ὁρσεῦτο(ς) πρὸς(ς) Ἀπολλώνιο(ν) καὶ Διοσκουρίδην μισ(θώσεως) κηπο(υρικῆς) ὀφονί(ων) (δραχμῶν) βμη (123 R. IV, 26). Кому выплачивается здесь *опсоний*: арендатору или арендодателю? По аналогии с предыдущими двумя случаями можно предположить, что арендатору. Но этому препятствует ряд соображений. Первое и самое маловажное: арендодатель носит египетское имя, а арендаторы — греческие имена. Во-вторых, цифра *опсония* стоит там, где обычно указывается величина арендной платы⁴⁵. И в-третьих, в Mich. 123 R. V, 12 Аполлоний дает в долг Орсеусу 100 драхм серебра и 5 *артаб* пшеницы, что почти равняется величине *опсония*. К тому же Орсеус известен нам как получатель *опсония* у Гераклида (Mich. 123 R. XV, 33) и арендодатель Гераклида (Mich. 124 R. II, 8)⁴⁶. Гераклид же в качестве садовника получает арендную плату от Лабесиса (Mich. 123 R. IV, 20). Все это заставляет предположить, что и в Mich. 123 R. IV, 26, и в Mich. 123 R. XV, 33 Орсеус — получатель *опсония* и арендодатель. Он сдает в аренду сады Аполлония и Диоскуриде, с одной стороны, и Гераклиду — с другой и получает от них жалование. Гераклид же арендует сад у Орсеуса и сдает Лабесису. Орсеусу он платит жалование, а с Лабесиса взимает арендную плату.

Все упоминания о Лабесисе можно свести к одному лицу. По Mich. т. II и V известны Лабесис, сын Аполлония (Mich. 247, 12) и Лабесис, отец Аполлония, Лабесиса и Крониона, муж Тапнебтунис⁴⁷. Учитывая обычай давать внуку имя деда, можно отождествить Лабесиса, сына Аполлония, с Лабесисом, отцом Аполлония. Упоминания без патронимикона таковы: в Mich. 240, 2 он ссужает деньги Гору, Mich. 123 R. XI, 21 — гипотема неясного содержания, в Mich. 123 R. V, 11 арендует сад (*παράδεισος*) у Юкунда за форок в 67 *артаб* ячменя и 60 драхм, в Mich. R. IV, 20 платит экфорий садовнику Гераклиду. В Mich. 240, 14 и 128 II, 20 отмечена *ἐπίδοχῆ γεωργίας* Ἰσχυρίωνος πρὸς Λαβῆσιν, т. е. обязательство Исхюриона обрабатывать для Лабесиса землю. Лабесис дважды арендует сады и нанимает работника, что также характерно для садов (ср. упоминание об Еусе — *ἀποχῆ γεωργίας*). Наконец, последнее упоминание имени Лабесиса содержит название его профессии — торговец овощами (*λαχανοπώλης*) (Mich. 123 R. V. VI, 28). Между тем выращивание овощей в *κῆποι* вещь известная⁴⁸. Известно также, что в Италии урожай в садах часто

⁴⁵ Mich. 123 R. II, 21; V, 11; VII, 17; XI, 11; XIII, 23; 124 R. I, 6.

⁴⁶ Сдаются всего 2,5 *аруры*, т. е., вероятно, сад.

⁴⁷ Mich. 123 R. XV, 6; 244, 37; 227; Introd. I, 7; 312, 5; 333, 1, 22).

⁴⁸ Ср. *κῆποι λαχανοεισμένοι* (P. Flor. 16, 8).

сдавался съемщику, который убирал и продавал его ⁴⁹. Нечто подобное известно и в Египте в виде *καρπωεῖα* дважды упомянутых в регистрах (Mich. 238, 34, 75) ⁵⁰. Кроме продажи урожая на корню (*καρπωεῖα*) ⁵¹ в Египте имелись промежуточные формы между ней и арендой ⁵². Не является ли Лабесис съемщиком-торговцем ⁵³?

Вернемся к Аполлонию, который вместе с Диоскуридой снимал сад у Орсеуса и платил ему *опсоний*. Аполлоний арендовал сад также у Гариота (Mich. 121 V. XII, 2). Выше уже упоминался Аполлоний, сын Лабесиса. Не имеем ли мы здесь дело с наследственным садовым предпринимательством?

В качестве арендатора сада известен Галат. В Mich. 238, 76 он арендует сад у Полемона, а в Mich. 123 R. VI, 38 — у Псенобастиса. Известна также *ὄμο(λόγη)α Μισθο(ς) πρὸς(ε) Γαλάτη(ν) κηπουρ(ή)α* (123 R. III, 22) — или наем Миеуса на садовые работы, или аренда у него сада.

Мы разобрали все случаи упоминания *κῆποι* в регистрах. Их немного, но имена, связанные с ними, постоянно повторяются. Повторяются имена предпринимателей: Аполлония, Гераклида, Лабесиса, Галата, Дидима. Для них садоводство было, вероятно, именно предпринимательством и работало на продажу. Повторяются имена работников: Гераса, Орсеуса и др. Выше уже отмечалась тесная связь *κῆποι* и *опсоний*. *Опсоний* получают Герас, Орсеус, Еус; Герас — в качестве арендатора, Орсеус — в качестве арендодателя; Еус может быть и тем и другим, а возможно, просто наемником. Исхюрион, вероятно, наемник и, судя по его работе на Лабесиса, был занят в саду. Объяснить сложившуюся ситуацию можно тем, что работа садовника требовала особой квалификации, профессиональных, хорошо обученных работников ⁵⁴. Садоводство и было профессией таких людей, как Герас, Орсеус, Исхюрион и Еус. Они регулярно, раз в год, получали жалованье. Применение их в качестве арендаторов или арендодателей было, казалось бы, исключено. Но Египет — страна смешанных форм.

Уплата жалованья арендатору встречается в ряде папирусов, изданных главным образом в последние годы. Почти все они происходят из тебтюннисского района ⁵⁵.

Выше была также рассмотрена аренда пастбищ, при которой арендодатель работает на арендатора. Предварительно уплаченная арендная плата играет там частично роль жалованья. Все это наводит на мысль, что сдача в аренду садов и пастбищ в данную эпоху свелась к найму рабочей силы: арендатор или арендодатель был лишь замаскированным наемником. Можно пойти дальше и предположить, что выражения *μισθωσις Α πρὸς Β κηπουρική* и *ὄμολογη Α πρὸς Β μισθώσεως κηπουρικής* означают не аренду, а просто наем рабочей силы, тем более что *μισθωσις* употребля-

⁴⁹ М. В. Сергеевко, Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958, стр. 92.

⁵⁰ Такие контракты записывались по формуле аренды (*μισθωσις Α πρὸς Β καρπωεῖα*).

⁵¹ Preisigke, s. v. и Mich. V, стр. 238.

⁵² Негманн, ук. соч., стр. 222—229.

⁵³ Ср. Giss. inv. Nr. 3 II в. до н. э. (R. Taubenschlag, Opera minora, Bd II, Warszawa, 1959, стр. 464), где некий Птолемей жалуется на двух торговцев овощами, которым он сдал в аренду свой сад.

⁵⁴ Сергеевко, ук. соч., стр. 87—90. В имени Аполлония (III в. до н.э.) наблюдалось схожее явление. Здесь подвизались в роли *ἀπτελοῦργοί* и *κηπουροί* специалисты-греки. Они были одновременно арендаторами и управляющими, получающими жалование (Rostovtzeff M., A large estate in Egypte in the third century B. C., Madison, 1922, стр. 96—98).

⁵⁵ J. Hengstl, Private Arbeitsverhältnisse freier Personen in den hellenistischen Papyri bis Diokletian, Bonn, 1972, стр. 79—82.

ется и в таком значении ⁵⁶. Но принять это предположение мешает ряд обстоятельств. Во-первых, отдельные записи будут противоречить друг другу. В случае с Дидимом и Герасом работником и получателем жалованья является Герас. Следовательно, здесь в формуле *μισθωσις* A πρὸς B наемником является B ⁵⁷. Но в случаях с Орсеусом, который также получает *опсоний*, наемником окажется уже A. Во-вторых, единственное в регистрах четкое указание на аренду *κῆποι* мы имеем для Галата *μισθωσις κῆποι* (Mich. 123. R. VI, 38). Но тот же Галат заключает и договор по формуле *ὁμολογία μισθώσεως κηπουρικῆς* (Mich. 238, 76) ⁵⁸. Все это заставляет остановиться на предположении о существовании смешанных форм при аренде садов.

Характерно, что такие формы прослеживаются только на *κῆποι*. На финиковых рощах и *παράδεισοι* этого не наблюдается. Упоминания *παράδεισοι* встречаются, правда, крайне редко, и к тому же слово это могло, вероятно, означать и сад типа *κῆποι* и финиковую рощу, поскольку встречаются термины *φοινικοπαράδεισος* (Mich. 272, 1) и *κηλοπαράδεισος* (Mich. 282, 3). Что же касается финиковых рощ, то при почти всех записях об их аренде стоит сумма арендной платы (Mich. 128, III, 15, 18, 22; 240, 35). Единственное исключение — Mich. 240, 15. Об *опсонии* же здесь и речи нет. Вероятно, ухаживание за финиковыми насаждениями требовало меньшей квалификации и меньших затрат труда, чем работа на *κῆποι*. Но имена арендодателей пальмовых садов и *παράδεισοι* нам уже знакомы. Это Дидим (Mich. 238, 135; 128, III, 15, 22; 240, 15, 35) и Галат (Mich. 238, 10; 128, 18). О Юкунде говорилось выше. Единственная незнакомая личность здесь — Евтихид (Mich. 123 R. VII, 26). Вероятно, в лице Галата и Дидима мы имеем дело с людьми, поставившими садоводство на предпринимательскую основу.

Каково социальное происхождение людей, работавших на арендованных землях? Выше уже отмечался случай с Орсенуфисом, сыном Орсенуфиса, который сделался арендатором на земле своего отца, сняв ее в субаренду у Аполлония, сына Геракла. Здесь земля не была окончательно потеряна семьей Орсенуфиса. Иначе на клерах. В Mich. 123 R. III, 8 Гераклид продает Героду клер из 3 *арур*, а в Mich. 123 R. III, 13 арендует у него 3 *аруры*. Превращение клеруха в арендатора произошло одновременно с продажей земли. Выше уже упоминался садовник Еус, бывший наемником или арендатором Дидима. На следующей строке регистра после той, где отмечается выдача ему *опсония*, указан его арендный договор с Гераклом: он сдает Гераклу в аренду травяное пастбище (Mich. 123 R. IV, 17). Еус, разоряясь, сдает свою превратившуюся в пастбище землю в аренду, а сам становится арендатором или наемником. Таким образом, развитие аренды «от бедного к богатому», распространение наемничества и применение труда арендаторов тесно связаны между собой. Наемники и работники-арендаторы — это те же бедные арендодатели, которые, не будучи в состоянии вести самостоятельное хозяйство, приходят в хозяйство к богатым односельчанам, зачастую к собственным арендаторам. Если низы деревни одновременно и наемники-арендаторы и арендодатели, то верхи также сочетают в своей деятельности снятие земли в аренду и применение наемников с приобретением рабочей силы посредством сдачи земли в аренду. Выше уже упоминался Аполлоний, сын Геракла, сдававший землю сыну своего арендодателя. Он же арендовал под пастбища 3 *аруры* земли у Никомеда, сына Фания (Mich. 124 V. III, 4 и R. III, X). Птолемей, сын Апио-

⁵⁶ Preisigke Wb. s.v.

⁵⁷ Подобное и грамматически невозможно.

⁵⁸ Издатели везде переводят *μισθωσις κηπουρικῆς* как «аренда сада». Mich. vol. II, стр. 19, 116.

на, снимает в аренду у Гора, сына Аполлония, пастбища (причем Гор берет на себя основную работу) (Mich. 311, 34 г. н. э.) и сам сдает землю в аренду⁵⁹. Марсисух, сын Марепсемиса, активно арендует землю как под зерновые, так и под пастбища⁶⁰ и покупает пять стад скота (PSI 1130, 25 г. н. э.), ухаживать за которым будут, вероятно, рабы или наемники. Подобный тип ведения хозяйства известен нам по архиву Сарапиона, относящемуся к несколько более позднему периоду. Сарапион и его сыновья арендуют пастбища и при помощи наемников разводят на них овец. Одновременно они сдают свои клеры в аренду под зерновые⁶¹.

Таким образом, развитие аренды «от бедного к богатому» было связано с выделением, с одной стороны, предпринимателей, богатевших на ведении овцеводческого и садоводческого хозяйства, и, с другой — наемников, полунаемников и парамонариев. Характерно, что именно в данный период Филон Александрийский рассуждает о сравнительной ценности георгоса и наемника⁶². Известно также, что I в. н. э. для Египта — время значительного повышения доли рабского труда⁶³. Не исключено, что именно римское влияние, деформировав традиционную египетскую социально-экономическую структуру, вызвало к жизни описанные выше парадоксальные формы.

Какова была глубина описанных процессов? Какое место занимала частная аренда в жизни египетской деревни? За год в графейоне заключалось около 150 договоров: 142 договора в 6 году Клавдия, 42 договора в последние четыре месяца 2 года и 48 договоров в первые четыре месяца 7 года. Площадь сдаваемых участков указывается не везде, но в среднем, по 121 V., она равна 6,7 *арур*. За год это составит приблизительно 1000 *арур*. Среднюю длительность аренды можно определить по сохранившимся от середины I в. н. э. контрактам и резюме контрактов из Тебтюнисского графейона. Она равна двум годам. Следовательно, в каждый данный момент в частной аренде находилось около 2000 *арур*⁶⁴. Из них на Тебтюнис приходилось около 1400 *арур*, так как в резюме контрактов (Mich. 121 R.) площадь, сданная в аренду в Тебтюнисе, составляет 70% всей сданной в аренду земли (55,5 из 79,5 *арур*). Площадь земельных угодий Тебтюниса нам не известна. Не подлежит сомнению, однако, что она была значительно больше площади Керкеосириса (4700 *арур*)⁶⁵ и приближалась к площади Караниса (7000 *арур*)⁶⁶, игравшего, вероятно, на севере Фаюма ту же роль, что Тебтюнис на юге. Площадь собственно деревни Керкеосириса — 69 1/2 *аруры*, Тебтюниса — 109 *арур*, а Караниса — 254 *аруры*⁶⁷. Если принять за предел площади земельных угодий Тебтюниса 7000 *арур*, то 1400 *арур*, находящихся в частной аренде, составят довольно значительную цифру, хотя цифра эта и будет значительно меньше половины общей площади. Основной костяк населения Тебтюниса, видимо, не подвергся

⁵⁹ P. Mich. inv. 950, II (33/34 г. н.э.). Этот папирус еще не опубликован, но содержание его упоминается в упомянутой статье: H u s s e l m a n, ук. соч., стр. 228.

⁶⁰ P. Yale 67; P. Princ. 146; Mich. 121 R. II, VI; V. II, 10.

⁶¹ Les archives de Sarapion et de ses fils. Une exploitation agricole aux environs d'Hermoupolis Magna (De 80 a 133 P. C.) par J. Schwartz, Le Caire, 1961.

⁶² Philo A l e x a n d r i n u s, De agricultura 3—5

⁶³ И. Биежуньска-Маловист, Рабский труд в сельском хозяйстве Египта римской эпохи, «V Международный конгресс экономической истории, Ленинград, 10—14 августа 1970 г. Тезисы докладов», ч. 1, М., 1970, стр. 73.

⁶⁴ Это минимальная цифра, поскольку не учитываются не прошедшие через графейон контракты, которые, возможно, имели место.

⁶⁵ S t a w f o r d, ук. соч., стр. 44.

⁶⁶ H. G e r e m e k, Karanis. Communauté rurale de l'Égypte Romaine au IIe—IIIe siècle de notre ère, Wrocław, 1969, стр. 31.

⁶⁷ S t a w f o r d, ук. соч., стр. 44—45.

расслоению. Но и число тех, кто нуждался в лишней земле или вынужден был избавляться от своего надела, было, вероятно, довольно большим. Все это позволяет говорить о глубоких внутренних сдвигах в Южном Фаюме в середине I в. н. э.

LAND LEASES IN SOUTHERN FAYUM IN THE MIDDLE
OF THE I CENTURY A. D.

(based on the Michigan records)

by A. B. Kovelman

Prosopographical analysis of the records in the *grapheion* of Tebtunis shows that in the period under review the dominant type of lease in Tebtunis and the neighbouring villages was that between a rich lessor and a poor lessee. The working tenant is increasingly replaced by the hired labourer, the *paramonarius* and, perhaps, the slave. Mixed forms also appear, such as the lease involving salary payments to the lessee or to the lessor. These developments were connected with the ruin of the *δημόσιοι γεωργοί* and the growing prominence of entrepreneurial sheep-farming and horticulture, probably under the influence of Roman farming methods.